

¹ Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. М., 1964. С. 296—297; Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975. С. 229; Власова И. В. Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII—XVIII вв. М., 1984. С. 7—8 и др.

² Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь, XVII в. Новосибирск, 1991.

³ Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. I. Гл. X, XII.

⁴ Там же. Гл. XIII.

© 1992 г., ЭО, № 2 А. Ш. Кадырбаев. Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII—XIV вв. Алма-Ата, 1990. 160 с.

Одна из не теряющих свою актуальность научных проблем — взаимоотношения кочевников и оседлого населения. Книга А. Ш. Кадырбаева представляет собой очередную попытку подхода к этой проблеме.

Предпосланное основному содержанию книги «Введение» дает представление о степени изученности проблемы и характеристику источников. Но почему-то автор полностью обошел вниманием общетеоретические работы Э. Гиббона и А. Тойнби, посвященные кочевому укладу. Хотелось бы большей конкретики при оценке тех или иных работ, нежели общие посылки вроде: «интересными являются статьи И. де Рахевилья» (с. 14) или «Значительный интерес представляют статьи Г. Франке» (с. 15). Чем именно «интересны» статьи первого и почему «значительный интерес» представляют статьи второго — все это не раскрыто. Непонятно, каким критерием пользуется автор, определяя одни работы как интересные, другим отказывая в этом?

Опираясь на широкий круг разноязычных источников и литературы, автор рассматривает ряд проблемных аспектов, стремясь изложить свое видение сложных процессов социально-экономического, политического и этнокультурного порядка. По сути дела целые страницы исторического прошлого народа Китая и Центральной Азии на страницах книги воссоздаются заново.

Автор дал сводную социально-экономическую характеристику ряду этнических групп и этнополитических образований, благодаря чему их названия получили реальное содержание и стала наглядной их вероятная роль в процессе взаимодействия и взаимовлияния различных хозяйственных укладов. Однако идентификация применительно к определенному историческому периоду места расселения той или иной этнической группы и соответственно привязка именно к ней следов хозяйственной деятельности — дело весьма сложное и категоричность суждений не делает их более убедительными. В частности, не воспринимается безоговорочно следующее утверждение автора: «Данные археологии свидетельствуют о том, что посевы кипчаков в основном находились в бассейнах рек Сырдарья, Сарысу, Ишима, в предгорьях Каратау» (с. 27). Сами по себе данные только археологии без увязки их с письменными свидетельствами (если такие имелись у тех же кипчаков или у их соседей) не позволяют безусловно согласиться с этим суждением автора. Почему это были именно посевы кипчаков, а не их предшественников или соседей, учитывая, что насельники этого региона вели мобильный образ жизни?

Войны — феномен весьма сложный, где дают себя знать как факторы чисто эмоционального, так и социально-экономического порядка. «Источники, — постулирует автор, — полны сведений о войнах найманов и киритов между собой (с. 52)». Но дальше констатации он не идет. И остается открытым вопрос, что лежало в основе этих войн: личные амбиции вождей или глубинные социально-экономические предпосылки?

«У найманов и киритов существовали формы государственности, отличные от тех, что были у оседлых народов», — заключает автор (с. 53). Отсюда следует логический вывод, который отсутствует в книге, что именно сама специфика кочевой и оседлой хозяйств обуславливала различие в формах государственности. «Заземленность» оседлого населения не могла не способствовать и большей стабильности институтов власти, большей зависимости члена общины от них. Аморфность государственных институтов у кочевых народов — в известной степени порождение мобильности кочевой общины.

Сконцентрировав свое внимание на событиях XIII—XIV вв., автор невольно забывает сказать об исторической преемственности. То, что происходило в Китае в период правления дома Юань, уходит своими корнями во времена предшествующих династий. Автор называет свидетельством влияния мусульман, в частности, то, что некоторые члены правящей династии Чингизидов приняли ислам (с. 82). При этом о политике юаньских правителей в отношении ислама в Китае по существу ничего не говорится, тогда как они и императоры предшествующих династий придерживались в этом вопросе определенных установок.

Действительно ли под влиянием мусульман представители правящей фамилии Юань принимали ислам, утверждать категорически нет оснований. Но, очевидно, можно говорить, что мусульмане — сановники, служившие юаньским государям, не упускали возможности заниматься прозелитизмом. С именем Сейида-Аджаля в бытность его правителем Юньнани связано строительство здесь мечетей*.

Очевидно, состояние источниковедческой базы и общий уровень изученности проблемы не позволили автору с достаточной степенью конкретности высказаться по тому или иному рассматриваемому вопросу. Отсюда он весьма часто прибегает к расхожей дефиниции «определенный», «определенное», «определенная». Приведу лишь несколько примеров. «Приобщение к одной из мировых религий также является свидетельством определенного уровня развития...» (с. 52); «Они сыграли определенную роль в развитии» (с. 53); «Определенную культурную роль играли средневековые уйгуры...» (с. 142); «В конце XII — начале XIII в. ... и играли определенную роль» (с. 154). Словом, кочующее со страницы на страницу понятие «определенное» (и его производные) не способствует достаточно четкому представлению об имевших место реалиях, и, более того, невольно возникают сомнения относительно их подлинной значимости.

На страницах книги встречаются суждения, которые вызывают недоумение: «... эпоха Юань — это период создания и упрочения китайского этнорелигиозного меньшинства хуэй и дунган» (с. 156). Во-первых, к хуэй и дунганам как этнорелигиозному меньшинству вряд ли уместно применять эпитет «китайское». Вернее назвать их этнорелигиозным меньшинством, проживающим в пределах китайского государства. Во-вторых, время появления этой этнорелигиозной общности правомерно отнести к более раннему периоду — эпохе Тан. И наконец, относительно хуэй и дунган как двух составных частей одного и того же этнорелигиозного компонента. В литературе и в обиходе общепринято считать, что хуэй и дунгане — одно и то же. Только «дунгане» — это понятие, которое употребляют тюркоязычные мусульмане Китая применительно к «хуэй».

В заключение можно сказать словами автора, что данное исследование является первой работой, посвященной истории тюркских и иранских народов в Китае при монголах. И эта пионерская работа вносит вклад в изучение большой и многогранной проблемы.

В. С. Кузнецов

* Broomhall M. *Islam in China*. L., MCMX. P. 127.